

перевод
Ирины
Меньшаковой

ХРАМ ФОРТУНЫ

ЭЛОДИ ХАРПЕР

роман

МИО

МИФ Проза

Элоди Харпер
Храм Фортуны

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2023

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)6-442

Харпер Э.

Храм Фортуны / Э. Харпер — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»,
2023 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-250729-0

Путь Амары был долгим: от рабства в помпейском борделе – к новой жизни в Риме. Теперь она приближена ко двору и втянута в опасную игру за власть. Но пока Амара пытается удержаться в мире интриг, самые дорогие ей люди остаются в Помпеях. Вскоре Везувий напомнит о себе – и привычный мир исчезнет под слоем пепла. И когда на Помпеи обрушится катастрофа, Амаре предстоит вновь бороться за себя и за тех, кого она любит. Но какую цену придется заплатить, чтобы наконец стать по-настоящему свободной?

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)6-442

ISBN 978-5-00-250729-0

© Харпер Э., 2023
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2023

Содержание

Сентябрь 79 года нашей эры. Рим	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Элоди Харпер Храм Фортуны

Original title:
THE TEMPLE OF FORTUNA
Elodie Harper

На русском языке публикуется впервые

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

The Temple of Fortuna

Copyright © Elodie Harper, 2023

All rights reserved.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Андреа Бинфор за дружбу длиною в жизнь, что из наполненного смехом парка нашей юности привела нас на улицы Помпеев.

Люблю тебя бесконечно

*Слово *lupanar* (лупанарий) для римлян имело два значения: публичный дом и волчье логово, а слово *lupa* могло означать как проститутку, так и волчицу.*

Сентябрь 79 года нашей эры. Рим

ГЛАВА 1

Береника была на самой вершине власти... она обитала во дворце, будучи сожительницей Тита. Намереваясь выйти за него замуж, она вела себя так, будто уже стала его женой; но он, осознав, что римляне недовольны подобным положением вещей, отослал ее прочь.
Кассий Дион. Римская история

Ночь утопает в аромате олеандра, чья ядовитая сладость для Амары неперенный атрибут Рима. В окружении других женщин она стоит у высоких арочных окон с видом на залитый лунным светом город, который млеет от ласкового дуновения ветерка, все еще теплого после изнурительной дневной жары. Сюда, на вершину Палатина¹, уличный шум едва долетает, и все же столица империи определенно не спит. В любой час стучат по булыжникам мостовой колеса телег; и Амаре прекрасно известно, что там, у подножия дворцового холма, воздух пропитан зловонием, а не ароматом цветов.

Отблески факелов мечутся по мраморному полу и покрытым росписью стенам, подсвечивая золото узоров, и оно переливается, словно расплавленное. Роскошь, окружающая Амару, разительно отличается от мрака, давившего на нее в «Волчьем логове», но, несмотря на весь блеск и пышность, здесь также присутствует боль. Перед ними царица Береника: темные локоны не убраны, на лице потеки сурьмы. Царица Иудеи всегда была великолепной актрисой и без умысла не делала ни единого шага, но Амара знает, что эти ее слезы непритворны. Даже самым сильным женщинам любовь разбивает сердца.

В зале стоит гул от приглушенных рыданий, с которыми причитающие служанки толпятся вокруг царицы, цепляясь за ее одежды. Их Амара рассматривает с холодным любопытством, гадая, многие ли здесь искренне сожалеют об отъезде госпожи. Среди тех, кто пришел проводить Беренику, меньше влиятельных лиц, чем она ожидала. Вероятно, Тит все-таки не изменит своего решения и на этот раз его возлюбленная действительно отправится в ссылку. Он столько раз обещал избавиться от Береники, но в итоге не мог разлучиться с женщиной, которая во всех отношениях была его женой. Амара уверена, что Береника оценит иронию происходящего: именно в тот момент, когда она достигла вершины колеса Фортуны, когда ее возлюбленный стал императором, Тита вынуждают низвергнуть ее.

Череда провожающих медленно движется вперед. Скоро придет очередь Амары прощаться. Она старается запомнить все увиденные здесь лица, пересчитывая их про себя. Ее патрон Деметрий ожидает подробнейшего отчета. Именно за этим ее сюда и послали – чтобы понять, насколько велика вероятность очередного возвращения Береники. Амара убеждает себя, что пришла бы отдать дань уважения в любом случае; в конце концов, она действительно глубоко восхищается царицей. Но в глубине души понимает, что, попроси ее Деметрий держаться подальше, она бы его послушала.

Прищурившись, Амара пытается разглядеть новое лицо в зале – жена какого-то сенатора? – когда замечает, что женщина перед ней, которая, казалось, никогда не устанет прижимать усыпанную драгоценностями руку Береники к своей груди, наконец-то собирается уходить. Амара поспешно делает шаг прямо в объятия царицы.

¹ *Палатин* – центральный из семи главных холмов Рима высотой 40 м, одно из самых древнезаселенных мест в Риме. Здесь и далее примечания переводчика.

– Плиния Амара. Ты пришла.

Кажется невозможным, что она слышит глубокий голос царицы в последний раз. Амара смотрит Беренике в глаза, видя следы недавних слез. Женщине, похитившей сердце Тита, около пятидесяти, и насмешники уже вовсю подшучивают над ее дряхлостью, но от их издевок красота Береники не тускнеет. Даже сейчас, проведя ночь в слезах, она остается одной из самых потрясающих женщин, что доводилось видеть Амаре. Но Тит выбрал ее не из-за этого. Император любит Беренику за то, что вызывает ненависть ее врагов: она сильная женщина, потрясающе умная, не скрывающая своего мнения.

– Он снова пошлет за тобой, – внезапно выпаливает Амара, забыв все льстивые слова, которые так долго готовила. – Когда пройдет хотя бы год его правления в Риме, когда он укрепится на троне. Я в этом уверена.

– Все так говорят. – Береника указывает на ожидающих своей очереди. Затем, шмыгнув носом, выпрямляется. – Но тогда, возможно, я откажусь возвращаться. – Амара встречается взглядом с царицей, и та улыбается. – А возможно, и нет.

Тут на лице Береники проскальзывает усталость, и Амара понимает, какую боль причиняет ей попорченная гордость. Ведь ей приходится зависеть от капризов мужчины, пусть даже самого могущественного на свете.

– Мне будет не хватать твоего чтения, – говорит Береника. – Адмирал не солгал насчет твоего голоса.

– Ты слишком добра. Я уверена, что в Иерусалиме у тебя будет множество умелых помощников.

– Но без твоего чувства юмора. И пытливого ума. – Голос Береники становится ломким, словно прихваченная морозом трава. – Полагаю, что *твой визит*, Плиния Амара, должен утешить меня много лучше прочих. Должно быть, меня все-таки ждет возвращение в Рим. Ведь ты не из тех, кто выбирает тонущий корабль.

Амара колеблется. Береника нередко так поступает – награждает собеседника похвалой, которая вполне может обидеть.

– Нет сомнений, что твой триумф лишь вопрос времени, – произносит Амара. – Но сегодня ничто не помешало бы мне прийти сюда.

– Тогда, раз уж мы обе так уверены в скорой встрече, я не стану прощаться.

Береника протягивает Амаре руку для поцелуя. Та склоняет голову, и царица отворачивается, будто бы навстречу следующему посетителю. Еще мгновение Амара ждет официального разрешения удалиться, которого так и не следует. Она пытается поймать взгляд одной из служанок, которые тихо всхлипывают, вцепившись в подол царского платья, но девчонка отводит глаза в сторону. Амаре ничего не остается, кроме как уйти.

Она отступает, по-прежнему склонив голову, не желая проявить неуважение, а затем как можно незаметнее покидает зал и направляется к лестнице. Своды дворца внезапно начинают давить, словно на них лег груз горя царицы и отсутствия императора. Амара едва сдерживает себя, чтобы не ринуться вниз по мраморным ступенькам бегом, как ребенок. Напротив, она величаво направляется мимо проводящих жизнь в карауле рабов и позолоченных статуй Августа, Ливия и Цезаря, чтобы, пройдя под свисающими с потолка масляными лампами, похожими на созвездия, выбраться в прохладу ночи. Ее паланкин уже ждет.

Носилки покачиваются, когда рабы поднимают их с земли, – и Амаре кажется, будто она пьяна. Она откидывается на подушки, мягкая ткань которых ласкает кожу, с трудом подавляя желание схватиться за перекладины. Ей все никак не удастся привыкнуть к тому, что ее носят другие люди; малейшая запинка в ее воображении ведет к падению. Собственные ноги кажутся намного более надежными. Легонько, кончиками пальцев сдвинув прячущие ее занавески, она приоткрывает маленькую щелочку – достаточную, чтобы видеть происходящее снаружи и при этом самой оставаться незамеченной. Они покидают территорию императорского дворца, с его

фонтанами и цветами, и выходят на улицы. Сердце Амары бьется чаще. Ей совсем не нравится передвигаться по Риму ночью. Они спускаются по склонам Палатина, мимо усеявших окрестности дворца магазинчиков, уже закрытых на ночь, прежде чем ступить на Викус Лонгус². Тряский паланкин Амары нередко останавливается, поскольку улица забита тележками каменщиков, спешащих к колоссальному Флавиеву амфитеатру. Оказавшись у строящейся громады, она с интересом выглядывает наружу. Арена призраком высится в ночном небе, и арки светлого камня словно обрамляют темноту внутри. Театр смерти Веспасиана, источник невероятного количества стуков, криков и пыли, почти завершен. Отсюда к дому ведет прямая дорога; по ней Амара могла бы пройти и во сне. Деметрий живет на Викус Лонгус, неподалеку от Квиринальского холма, на котором с давних пор укоренилось семейное дерево его бывшего хозяина Веспасиана. Переезд нового императора на Палатин – одно из немногих отступлений Тита от порядков, принятых при отце; и Амара надеется, что отдаленность ее патрона от дворца в пространстве не станет знаком потери прежнего влияния. Прошли те времена, когда Деметрий возвращался с приема у императора за считанные мгновения; теперь дорога стала длиннее и беспокойнее, но она хотя бы достаточно широкая и людная. Извилистые, полные опасностей улицы города особенно пугают Амару.

Она наблюдает ночную жизнь Рима сквозь щелочку в занавесках. Вот поблизости проходит состоятельный мужчина в окружении рабов с факелами. Он не обращает внимания на проститутку, призывно выглянувшую из арки. Амара видит, как та беззвучно ругается вслед мужчине, потрясая тощей рукой. Что-то в полной уныния позе женщины пробуждает воспоминания Амары, снимает с них покровы – и вот уже незнакомка исчезает, уступив место Крессе, давно умершей подруге Амары из борделя в Помпеях. Затем и она растворяется в тенях.

Аромат благовоний сообщает о приближении к храму Фебриды, расположенному на полпути к дому Амары, задолго до того, как паланкин оказывается у расписанного алтаря богини лихорадки, дымящегося подношениями. Амара делает знак от сглаза. Поклонение италийцев Фебриде противоречит всему, чему ее учили в Греции, где ее отец-доктор – в своей работе постоянно сталкивающийся со смертью – старательно избегал любого упоминания Аида. Зачем привлекать к себе смерть или болезнь? Это совершенно неразумно. Настроения Амары не улучшают и надписи на стенах, снова и снова попадающиеся на глаза: «Поддельная Клеопатра», «Выскачка с Востока», «Иудейская распутница». Кажется, ненависть к Беренике разлита повсюду.

Амара опускает занавески, погружаясь в темноту с мерзким ощущением в животе. Чужеземные блудницы в Риме не пользуются популярностью; возможно, безопаснее всего не выставлять себя напоказ. Кто знает, не навлечет ли на себя нахальная греческая куртизанка гнев авто-ров этих надписей, который они желали бы излить на изгнанную царицу? В Риме всегда было беспокойно, недовольство здесь тлело, словно угли, готовые вспыхнуть пламенем; но никогда это не ощущалось с такой силой, как теперь. С самого дня смерти императора Веспасиана четыре месяца назад Амара была напугана. Этот город слишком давно не видел мирной передачи власти.

Даже окутанная темнотой, Амара понимает, что дом близок, по ухабу, который носильщикам приходится обойти, прежде чем остановиться у дверей Деметрия, по резкому запаху благовоний, доносящемуся из расположенного рядом храма Фортуны Милостивой. Мужчины снимают паланкин с плеч, помогая ей выбраться наружу.

Привратник Сальвий встречает ее во двореке:

– Он ожидает тебя.

² Улица в Древнем Риме, соединявшая Субурру с вершиной Квиринальского холма, между Квиринальским и Виминальским холмами.

Стоит Амаре переступить порог дома, как ее накрывает знакомое ощущение спокойствия. Чувство принадлежности, которое воспринималось как должное дома, в Афидах, когда был жив отец, хотя атриум здесь намного роскошнее, чем был у них в Аттике. Амара, откинув покрывало с головы и позволяя шелку скользнуть на плечи, шагает по мраморным полам. Стены здесь не украшены росписями, они отделаны мозаикой из мерцающего стекла, цвета которого кажутся неестественно яркими даже в свете ламп. Деметрий заказал эти изображения за много лет до того, как встретил Амару, но их дерзость всегда вызывает у нее улыбку. Когда в других богатых домах картины на стенах прославляют богов во всем их блеске и могуществе, он решил отдать должное хитрости. Словно бесценные самоцветы, сияют на стенах сюжеты басен Эзопа, жалкого раба-грека. Гости в доме Деметрия оказываются под пристальными взглядами целого скопления лис, волков, мышей и коров. Впервые попав в его дом, Амара спросила, что он хотел этим сказать. Деметрий лишь рассмеялся: «Дорогая моя, гордись тем, что другие презирают. Кому есть дело до того, что ты раньше была проституткой, а я – рабом? Посмотри, кем мы с тобой стали теперь».

Некоторое время понадобилось на то, чтобы добраться до другой части дома, комнаты которой выходят в сад. Дверь в спальню ее патрона приоткрыта, а перед ней стоит на страже юный раб. Амара кивком отпускает парнишку. Сквозь дверь видно, что Деметрий задремал, ожидая ее. Он сидит, откинувшись на спинку дивана, с закрытыми глазами и расслабленно опустившейся челюстью. Она с шумом затворяет дверь, чтобы разбудить его, поскольку он не желает признавать слабости своего возраста; затем неторопливо задвигает щеколду, давая ему возможность прийти в себя, пока она стоит спиной.

– Как там Береника?

Повернувшись на звук его голоса, она пересекает комнату, чтобы устроиться рядом.

– Как и следовало ожидать. Убита горем, разгневана, полна гордости. Похоже, он действительно собирается сослать ее на этот раз. Там чувствовалась безнадежность.

Деметрий вздыхает:

– Плиний говорит почти то же самое. Тит решился – как бы невероятно это ни было. Кого еще ты там видела?

Амара пробегается по списку, ближе к концу начав считать на пальцах, чтобы убедиться, что никого не пропустила.

– И он удалил из дворца всех музыкантов и актеров.

– *Вообще* всех? – Деметрий поднимает бровь. – Я слышал, что он выгнал танцовщиц, но не певцов же. При дворе теперь определенно все по-другому.

– Возможно, мы с тобой станем там двумя главными распутниками.

Ее попытка пошутить не удостоивается даже улыбки Деметрия.

– Куртизанки всегда нужны, если они не пытаются добиться слишком большой власти. – Он понижает голос, хотя они в комнате совершенно одни. – Посмотри на брата императора. Он отказался поцеловать Антонию Цениду, конкубину отца, но это не помешало ему завести собственную.

Напряжение сковывает Амару, словно нежеланные объятия. Она знает, к чему ведет эта беседа. *Домициан*. Неудачный младший брат императора, чье недовольство отказом Тита поделить властью после смерти их отца известно всем, а амбиции и жестокость служат источником постоянных тревог ее патрона. Ходят слухи, что он убийца, хотя, конечно, никто не посмел бы обвинить Домициана публично. Деметрий внимательно смотрит на Амару:

– Не стоит делать такое кислое лицо, моя дорогая.

Он кладет руку на ее колено с наигранной заботой, заставляя ее нахмуриться.

– Очень даже стоит. Совершенно ясно, о чем ты попросишь меня дальше.

– Проблема в том, *калиста*³, что такую отличную шпионку, как ты, не использовать глупо.

– Как лестно, – ворчит Амара, ничуть не смягченная ласковым греческим словом.

– Что ж, можешь радоваться или киснуть по этому поводу, дело твое. Но мне все-таки нужно, чтобы ты завтра навестила Сатурию.

– Эта девчонка меня бесит. – Шевельнувшись, Амара заставляет его убрать руку. – Кроме того, от нее никогда ничего путного не добьешься. Не думаю, что Домициан посещает Сатурию ради бесед о политике. Сомневаюсь, что он вообще с ней о чем-то говорит. Я бы не стала. Она совершенная дурочка.

– Мужчины всегда что-нибудь выбалтывают женщинам, с которыми спят. Это неизбежно.

– А ты не думаешь, что Домициан заподозрит во мне подосланную тобой шпионку, если я буду навещать ее слишком часто? Или того хуже: что, если его жена решит, что он спит и *со мной* тоже. Едва ли нам стоит приобретать врага в лице такого, как Домициан.

– Со стороны все будет выглядеть так, словно две хорошенькие куртизанки встречаются, чтобы поболтать о фасонах нарядов. Иногда, любовь моя, то, что большинство недооценивает твой ум, становится преимуществом. Однако *я* этого никогда не делаю.

Амаре вспоминаются сцены из басен в доме Деметрия. Его дань хитрости. Она понимает, что он так высоко ценит ее и поэтому тоже, но все же хмыкает, не желая признавать, что его лесть сработала.

– Я обращаюсь к тебе лишь из-за величайшего уважения к твоим талантам, Плиния Амара.

Деметрий продолжает наступление, обняв ее за талию. Ее губы вздрагивают в попытке удержать недовольную гримасу. Чувствуя близость победы, он наклоняется, чтобы запечатлеть на ее губах легкий поцелуй.

– Отлично, – произносит она тоном женщины, делающей огромное одолжение. – Я навещу ее.

– Плиний тоже хочет, чтобы ты завоевала расположение Сатурии, если тебя это порадует.

От Амары не ускользает тот факт, что Деметрий предпочел объявить об этом, только получив ее согласие. Редкое проявление ревности, которое позволяет себе ее патрон, – сомнения в том, кому она предана больше: ему или Плинию, подарившему ей свободу.

– Радостнее от этого не становится, – заявляет она с притворной досадой. – В том, что вы оба мной командуете, нет ничего приятного. – Краем глаза она замечает улыбку, появившуюся на его лице. – А теперь, полагаю, ты ждешь, что я останусь на ночь.

Амара целует Деметрия в ответ, чтобы смягчить язвительный тон и дать понять, что она вовсе не против этой идеи. На самом деле Амару совершенно не влечет к Деметрию, и никогда не влекло. Но она восхищается им и иногда находит утешение в физической близости, пусть даже потому, что лишь в эти моменты ее патрон расслабляется настолько, чтобы проявить свою искреннюю привязанность.

– Как я могу отказаться от столь любезного приглашения? – Деметрий отвечает на ее поцелуй со вполне реальным пылом. Поднявшись, он берет ее за руку и ведет к постели. – Хотя всей ночи я тебе обещать не могу. Мне сегодня надо выспаться, а ты никогда не оставляешь мне места.

Против воли Амара вспоминает о Филосе. О том, каково было засыпать рядом с мужчиной, который обнимал ее так, словно никогда не хотел отпускать, в любви которого она никогда не сомневалась. Но она отбрасывает воспоминания прочь и дарит патрону улыбку, делая вид, что в сердце не скребется боль одиночества.

³ Самая прекрасная (*греч.*).

ГЛАВА 2

*...Мы настолько зависимы от удачи, что сама удача становится в наших глазах Богом и тем доказывает, что Бог непостоянен.
Плиний Старший. Естественная история*

Служанки порхают вокруг Амары, как пчелы вокруг цветка, разве что, в отличие от пчел, они покрывают ее нектаром, а не собирают его. Сегодня у нее целый час уходит на то, чтобы привести себя в достойный вид. Лицо и шея начинают чесаться, когда одна из девушек кистью наносит на них белую пудру, придающую коже бледность и мягкое сияние. Из уважения к отцу-доктору Амара настаивает на использовании мела, хоть он и намного менее популярен, чем свинец. Тимай часто рассказывал ей о ядовитой природе этого металла, и теперь она не может заставить себя использовать его, пусть даже Деметрий посмеивается над ее разборчивостью.

Ирис сама поджигает губы, нанося красную помаду на губы Амары и легкими, уверенными взмахами кисти подчеркивая их изгиб. Закончив, она отступает и просит Амару надуть губы. Деметрий отдал целое состояние за Ирис и Дафну, двух служанок, жизни которых посвящены тому, чтобы делать свою госпожу красивой. Еще одно состояние расставлено на туалетном столике в виде духов и косметики, в том числе и раковины, полной ярко-зеленого малахита. Амара закрывает глаза, чтобы Ирис смогла нанести мази теней поверх уже проведенных линий сурьмы. Легкое прикосновение кисти к векам расслабляет, как и молчание. Стоящая за спиной Дафна аккуратно собирает в прическу ее волосы, и ее мягкие прикосновения почти неощутимы. Амара очень мало узнала об обеих служанках, предпочитая во время их работы уходить в свои мысли.

Когда они заканчивают, Амаре даже не нужно поднимать зеркало, чтобы взглянуть на себя. Дафна держит его перед ней: огромный, отлично отполированный диск из серебра, с гравировкой в виде женского профиля на обратной стороне. Амара рассматривает свое отражение. Ее глаза идеально симметричны, зеленые тени в уголках делают их больше. Ее губы, всегда привлекавшие больше всего внимания, кажутся еще полнее с помадой такого глубокого красного оттенка. Именно благодаря своему лицу – в не меньшей мере, чем уму, – она сидит сейчас за этим туалетным столиком, в доме одного из богатейших людей Рима. Вспомнив о своей подруге, Дидоне, которая была еще красивее, она представляет, как бы та могла преобразиться с помощью такой вот Дафны или Ирис, и понимает, что смотреть на себя ей больше не хочется.

– Спасибо, – говорит она, улыбнувшись Дафне, опустившей зеркало.

Ирис несет деревянную шкатулку с перламутровой инкрустацией в виде двух танцующих нимф. Амара ощущает прохладу серебряного замочка, нажав на него, чтобы поднять крышку. Мгновение она любит прячущимися под ней богатствами. Бесценная камея от Деметрия, где вырезана Афина Паллада с ее лицом; золотые и серебряные браслеты, лежащие стопкой, словно стеклянные дешевки, которые она видела на рынке в Помпеях; бесчисленные кольца, ожерелье из золота и жемчуга, подаренное ей почившим императором Веспасианом на мартовские Календы. Она до сих пор помнит, как гордился Деметрий, когда она оказалась в числе женщин, отмеченных ежегодным проявлением щедрости императора. Они тогда обсудили даже, может ли у Веспасиана возникнуть желание пригласить ее в постель, и Деметрий ясно дал понять, что в подобном случае он закроет глаза на измену. Амара так и не поняла, был ли он разочарован или обрадован, когда господин не потребовал ночи с его возлюбленной. Зная Деметрия, она полагала и то и другое.

Амара выбирает камею, пару золотых серег и несколько колец, включая те два, что она носит постоянно: одно бронзовое, с аметистом, которое купила сама, и другое – то, что Деметрий подарил ей, впервые привезя ее в Рим. Оно из чистого серебра, с печаткой в виде бегу-

щей зайчихи – символа сексуальности и плодовитости. «Возможно, взамен ты подаришь мне сына», – сказал он в ответ на ее благодарности так, словно это ничего не значило, но она заметила надежду, промелькнувшую в его глазах. Прошло три года, а ребенка у них так и нет; лишь два ранних выкидыша, о которых они никогда не говорят.

Обе служанки отступают, когда Амара поднимается со стула, и Дафна подхватывает с кровати шелковое покрывало, чтобы почтительно набросить его на голову и плечи госпожи. Оно голубое, в тон хитону, с вышитыми серебряной нитью звездами. Амара оставляет Ирис и Дафну наводить порядок на туалетном столике, а сама направляется в сад, проходя мимо спальни патрона, следующей за ее собственной в колоннаде. Деметрия даже в этот ранний час там не будет. Скорее всего, он уже в кабинете, встречается с клиентами и занимается делами от имени императора. Роскошный аромат корицы, смешанный с нотками олеандра, сопровождает ее на пути к привычному месту у фонтана. Там ее ждет рабыня, готовая предложить сладкие булочки и фиги, едва Амара опустится на скамью, нагретую сентябрьским солнцем.

Когда Амара усаживается, рабыня протягивает ей запечатанную табличку:

– Это пришло тебе, госпожа.

Амара хватается письмо с такой поспешностью, что едва не роняет еду. Письмо из Помпеев. Трясущимися руками сломав печать, она тут же впиивается взглядом в первые строчки:

Приветствую, госпожа, с твоей дочерью все благополучно.

Амара судорожно вздыхает, переполненная облегчением. Филос всегда так начинает письмо, чтобы избавить ее от тревог. Он знает, как боится она плохих новостей – столько детей умирает совсем маленькими, а их родителям не позволяют даже оплакивать их, если они не достигли возраста десяти лет. Амара продолжает читать, и каждое слово в ее голове произнесено голосом Филоса, с его мелодичным кампанийским акцентом.

Руфина продолжает с блеском осваивать все, за что берется. Она жизнерадостная, вежливая кроха, которую обожают все, кто с ней знаком. В три года она не только успела запомнить алфавит – как тебе известно, – но и научилась писать больше двадцати слов, что, как мне сказали, просто поразительно. Игрушечную птичку, которую ты прислала, она почти не выпускает из рук и на ночь ставит возле кровати. Она посылает любимой матери поцелуй, ты всегда в ее сердце.

Слезы застилают Амаре глаза, вынуждая прервать чтение. В груди, там где спрятана вся ее любовь к дочери, стягивается узел. Руфина. Насколько легче не думать о ней, не думать о Филосе. Забыть семью, которую она оставила. Те деньги, которые Деметрий дает Амаре, нужны, чтобы обеспечить будущее ее дочери, и все же она знает, что ей не вернуть тех лет, которые она сейчас теряет.

У Юлии и Ливии все хорошо. Они желают тебе благословения всех богов. Твои дела идут хорошо, хотя мы и понесли некоторые расходы по непредвиденным причинам. Британнику выбрали открывать игры в октябре, и это честь для всей твоей команды гладиаторов, которая продолжает преуспевать благодаря твоей поддержке. Я не сомневаюсь, что Британника приведет их к победе.

*Надеюсь, и у тебя в Риме все хорошо, госпожа. С тем остаюсь твоим покорным слугой,
Филос*

Последняя строчка ранит, хотя на самом деле эти слова не больше, чем вежливый шаблон. Не то чтобы Филос мог признать свое звание отца Руфины или возлюбленного Амары. «Бывшего возлюбленного», – напоминает она себе, опуская табличку на колени. Прошли годы

с тех пор, как они делили постель или обменивались нежностями, которые являются частью их с Деметрием повседневной жизни. Возможно, Филос уже любит кого-то другого. Эта мысль отнюдь не утешает.

Несмотря на то что в письме Филоса лишь несколько строк, оно поднимает в душе бурю болезненных чувств. Каменная скамья становится холоднее, пока сидящая на ней Амара, неспособная больше проглотить ни кусочка, с тоской вспоминает не только дочь, но и всех тех, кого оставила. Британника, самая верная подруга, чьи подвиги на арене в качестве гладиатора заставляют Амару одновременно гордиться ее силой и бояться за ее благополучие. Юлию и Ливию, по чьей компании и остроумию она невозможно скучает. Именно Юлия дала Амаре постоянное пристанище в Помпеях после того, как Руфус покинул ее, а теперь Юлия следит за тем, чтобы у Руфины, живущей в ее владениях, было счастливое детство. Одна из самых потрясающих предпринимателей в городе, подруга Плиния, Юлия заменила Руфине мать в отсутствие Амары и даже помогла убедить Руфуса одолжить Амаре Филоса, чтобы тот следил за обучением их ребенка. Филос. Невозможно вспоминать о нем без боли. Амара сильно привязалась к Деметрию, и все же это не идет ни в какое сравнение с той страстью, что она когда-то питала к Филосу, мужчине, которого она выбрала сама, но была вынуждена покинуть.

Немного успокоившись, она перечитывает письмо снова, и на этот раз ее взгляд цепляется за другую строчку: «...хотя мы и понесли некоторые расходы по непредвиденным причинам». Фраза кажется вполне невинной, но теперь ее неоднозначность вызывает у нее беспокойство. Филос всегда говорит прямо, если только может, если только не намекает на Феликса, шантажиста, который по-прежнему преследует их семью. Даже сюда, в Рим, на прекрасную виллу ее патрона, дотянулась отвратительная тень ее бывшего хозяина из борделя. Амара пристально разглядывает табличку, пытаясь найти скрытый смысл, а за ее спиной ласково журчит фонтан и молчаливая рабыня ждет указаний.

Защищенный со всех сторон сад, в котором она сидит, больше не кажется безопасным местом. Нет таких стен, которые смогли бы удержать ее прошлое. Ее патрону отлично известно о ее прошлой жизни в качестве бордельной проститутки, а затем конкубины Руфуса; невозможно женщине, попавшей в рабство, сохранить добродетель. Но она уверена, что тайну, которая способна ее уничтожить, Деметрий не сможет простить. Отец дочери Амары не Руфус, а Филос, раб Руфуса. Измена патрону с его же собственным слугой – это не просто порочно, это еще и незаконно, и может стоить свободы и Амаре, и Руфине. Именно эту тайну узнал Феликс, ее вписал в свое завещание, и потому Амара вынуждена каждый месяц платить ему за молчание. Эту тайну выдала ему Виктория, когда-то бывшая ближайшей подругой Амары, а теперь ставшая женой Феликса. Амара сжимает табличку, ощущая пальцами успокаивающую твердость, и, как обычно, гадает, какая еще проблема может однажды добраться до нее из Помпеев.

Наконец она откладывает письмо. Потакание собственным страхам не сделает его понятнее, но если бы ее семье угрожала серьезная опасность из-за Феликса, она знает, какие слова использовал бы Филос. Они заранее договорились о шифре на случай, если потребуется ее срочное возвращение в Помпеи или если ей будет грозить разоблачение. Амара заканчивает завтрак, ни словом не обмолвившись с женщиной, о присутствии которой успела забыть. Раньше ее беспокоило то, что ее первый патрон, Руфус, не *видел* рабов, которые ему прислуживали, предугадывали его желания, порхали вокруг, как мотыльки у пламени свечи. Но теперь они с Деметрием ведут себя точно так же, несмотря на то что сами когда-то побывали в рабстве.

Звук голосов с другой стороны колоннады возвращает ее в настоящее. Несколько домашних слуг обсуждают подготовку к визиту Плиния. Амара поднимает взгляд. Небо уже утратило утреннее розовое сияние, плавно перейдя к ясной синеве жаркого сентябрьского дня. Визит к Сатурнии откладывать больше нельзя. Она поднимается, так ничего и не сказав прислуживающей ей женщине, и направляется через сад в атриум. Вилла в Риме большая, но не такая

громадная, как роскошное поместье Деметрия в Стабиях – будучи вольноотпущенным, он не желает вызывать слишком явную зависть у столичных верхов.

Вереница мозаичных муравьев наблюдает за Амарой, когда та проходит мимо кабинета патрона. Насекомые цвета обсидиана трудятся в поте лица, в то время как желтый кузнечик поет, проводя дни в безделье. Как похоже на Деметрия: заказать изображение басни о важности трудолюбия прямо перед своим рабочим местом. Она задерживается у двери, услышав, как он негромко говорит что-то по-гречески. Этот звук успокаивает. Амаре хочется зайти, пожелать ему доброго дня перед уходом, но она подозревает, что может вызвать лишь досаду. Вся привязанность, которую он испытывает к Амаре, вряд ли способна затмить его раздражение, помешай она его работе с клиентом.

Паланкин ждет ее у дверей. Господин уже отдал распоряжения о том, как его возлюбленная проведет день. Амара садится прямо, сжимая столбик паланкина, пока носильщики поднимают его на плечи, и они отправляются в путь. Улицы Рима меняются при свете дня. Даже самые злобные надписи теряют свою остроту; люди перекликаются на улицах, что-то кричат из окон, тротуары забиты торговцами и покупателями. Амара оставляет занавески открытыми, с наслаждением глядя на толпу, над которой ее несут. Она помнит, как приходилось сражаться за место в Помпеях, каким грязным и пыльным вечно был подол ее туники.

Сатурия живет на модной улице в районе Марсова поля, не такой значительной, как у Деметрия с его виллой, зато более живой и современной. По крайней мере, именно так Сатурия часто заявляет Амаре. Дом куртизанки заметен сразу же, стоит паланкину оказаться в ее районе. От своих неброских соседей строение отличается ярким желтым цветом и украшающими первый этаж медальонами с историей любви Эроса и Психеи. Обнаженная Психея в соблазнительных позах поразительно похожа на саму Сатурию, а вот для крылатого бога Эроса художник выбрал модель побезопаснее, чем Домициан.

Один из носильщиков Деметрия, галл, чье имя Амара даже выговорить не может, велит остальным остановиться. Амара спускается осторожно и, зная, как придиричиво Сатурия всегда рассматривает внешность других женщин, поправляет покрывало на волосах. Аромат благовоний выплывает из дома на улицу, стоит Амаре ступить в прохладный темный коридор. Привратник прячется в тени, и лишь его умашенная борода поблескивает в тусклом свете. Он почтительно кланяется. Амара быстро становится знакомым лицом в доме Сатурии. Следом за мужчиной она проходит в атриум, расписанный по последней моде: нарисованные на стенах зеленые портьеры, висящие между изукрашенных колонн, создают фальшивое ощущение глубины, обманывающее глаз. Мраморный тигр бредет по бортику неглубокого бассейна в центре зала, и отражение его полосатых боков подрагивает в воде.

Привратник хлопает в ладоши – и к ним подбегает молоденькая служанка.

– Скажи госпоже, что здесь Плиния Амара.

Светловолосая девчонка резво, как кролик, взлетает по лестнице, оставив Амаре с привратником наслаждаться сомнительной прелестью неловкого молчания.

Служанка возвращается со смущенным видом:

– Госпоже делают прическу, но она тебя примет.

Следом за девчонкой Амара идет по лестнице, затем по выложенному плиткой коридору на звук голосов. Открытая дверь будто бы приглашает их погрузиться в суету ежедневных сборов Сатурии. Здесь все разительно отличается от мрачного атриума: сквозь два окна, выходящих в сад, льется свет утреннего солнца; и в воздухе звенит смех четырех служанок, суеящихся вокруг своей госпожи. Амара не видит лица Сатурии, лишь копну золотисто-каштановых волос в процессе завивки и расслабленно вытянутую руку, ногти на которой сейчас красят.

– Дорогая моя, как славно, что ты пришла!

Сатурия не оборачивается, и Амаре приходится самой обойти ее. Юная любовница Домициана купается в солнечном свете, и ее роскошные волосы сияют, словно нимб. Невозможно остаться равнодушным к ее красоте. Лицо ее покрыто слоем свинцовых белил, отчего она похожа на куклу. Широко расставленные глаза необычного оттенка синевы она всегда старается подчеркнуть соответствующими тенями, а ее по-детски пухлые щеки позволяют ей считаться семнадцатилетней, хотя Амара уверена, что ей уже ближе к двадцати. Но каков бы на самом деле ни был возраст Сатурии, она моложе Амары и не позволяет ей забыть об этом.

– Ты выглядишь ослепительно, – говорит Амара, даря ей свою самую располагающую улыбку – ту, которой она научилась в борделе, ту, которую ее сутенер Феликс использовал, чтобы очаровать трудных клиентов.

– Если бы ты только позволила мне поделиться с тобой этим. – Сатурия указывает на свинцовые белила. – Мел так старит. Пудра подчеркивает даже самые крошечные морщинки.

Амара не дает улыбке сползти с губ, лишь поднимает брови, изображая интерес.

– Хотя твой патрон же такой *старый*, правда? Наверное, у этого есть свои преимущества. Даже когда тебе перевалит за сорок, ты все еще будешь казаться ему девчонкой – он к тому времени станет уже очень, очень дряхлым.

– Энергией Деметрий ничем не уступает мужчине куда моложе.

Уязвленная Амара старается защитить возлюбленного, пытаясь не вспоминать, каким он был прошлой ночью, когда уснул, ожидая ее. Вместо этого она усилием воли представляет его в кабинете, за работой на благо императора. Их судьбы связаны, и потому не только преданность, но и страх заставляют ее с ужасом ждать, что с возрастом его деловая хватка ослабнет.

– Твоя преданность ему – это так мило, – тянет Сатурия, потряхивая пальцами в воздухе, чтобы высушить краску на ногтях. – Я вот, к примеру, не уверена, что смогла бы закрыть глаза на его прошлое. Это правда, что когда он был рабом, то ему приходилось удовлетворять жену своего первого хозяина? – Она передергивает плечами. – Сама мысль о мужчине, прислуживающем женщине, как-то неестественна.

Амара мысленно проклинает Деметрия за то, что тот послал ее сюда. Сатурия чрезвычайно ее раздражает. Хотя теперь, по крайней мере, она может отплатить патрону мелким актом вероломства для того, чтобы добиться доверия своей жертвы.

– Истинная правда, – подтверждает она с хитрой улыбкой, подогревая слушок, давно пятнающий репутацию Деметрия. – Он *был* вынужден прислуживать жене своего хозяина. Однако не могу сказать, что умение мужчины доставить удовольствие женщине – это такая уж неприятная вещь. К тому же, как он сам признался мне однажды, жена была молода и хороша собой, так что вряд ли это было для него непосильным испытанием.

Сатурия охает с притворным ужасом, а затем смеется:

– Извини, дорогая, но я встречала Деметрия, и сама мысль кажется мне нелепой. Мысль о том, что кто-то мог бы возжелать его! Хотя, полагаю, каждый был молод.

– Конечно, не всем нам так везет с возлюбленными, – поддерживает Амара, не осмеливаясь назвать имя Домициана, но надеясь, что это сделает Сатурия. Но девчонка лишь улыбается с невыносимым самодовольством.

– Не думаю, что ты так уж плохо устроилась, дорогая, – говорит она. – У него прелестный дом, не так ли? А этим многое искупается.

Амара пытается увидеть себя глазами Сатурии. Стареющая куртизанка с сомнительным прошлым, чей патрон – несмотря на его богатство и влияние – всего лишь вольноотпущенный. Должно быть, Сатурия воображает, что Амару терзает неуверенность или зависть в присутствии более юной красотки, которая делит постель с братом императора.

– Конечно, – соглашается она, придав голосу робости. – В моем возрасте его можно считать большой удачей. К тому же он всегда ласков и добр ко мне.

К удивлению Амары, Сатурия, похоже, воспринимает эту реплику как укол, а не как попытку принизить себя. Даже сквозь слой белил заметно, как вспыхивают щеки Сатурии.

– Как тебе повезло, – фыркает она. – Встретить *доброго* человека. – Сатурия вздергивает подбородок, одарив Амару вызывающим взглядом. – Не знаю, что ты там слышала, но я совершенно счастлива и полностью способна позаботиться о себе. Мужчины нежны только тогда, когда становятся слишком старыми и дряхлыми для всего остального. И кому *это* нужно.

На мгновение воцаряется тишина. Служанки переглядываются, а та, что красила последний ноготь Сатурии, замирает неподвижно.

– Я никого не хотела обидеть. – Амара вскидывает руки. – Клянусь, я ничего не слышала, а если бы и слышала, ни за что не стала бы использовать подобное против другой женщины. Ты, наверное, немало слышала о *моем* прошлом, чтобы поверить мне.

Она смотрит на Сатурию, которая сидит, уставившись в пол и прикусив дрожащую нижнюю губу. Амаре вдруг вспоминается бывшая подруга Виктория, работавшая с ней в борделе; она всегда скрывала свой страх перед Феликсом за вспышками гнева. И тут ее осеняет: «Сатурия боится Домициана».

– Не может быть, чтобы тебе показалось, будто я питаю к тебе что-то, кроме восхищения, – мягко, как к испуганному ребенку, обращается Амара к Сатурии.

– Говорят, Плиний подобрал тебя в борделе. – Сатурия шмыгает носом, заглатывая наживку Амары в попытке сохранить лицо. – Это правда?

– Сомневаюсь, что нога адмирала когда-либо ступала в бордель. А вот моя, без сомнения, да.

– Тогда, наверное, ты отлично устроилась. – Сатурия щелчком пальцев велит служанке заканчивать с ногтями. – Будь я на твоём месте, тоже с радостью бы ухватилась за Деметрия. Эти слова в устах Сатурии звучат почти как похвала. Амара склоняет голову:

– Ты слишком добра.

Сатурия молчит, глядя, как последние мазки красной краски покрывают ноготь, а затем, поднявшись, взмахом руки отсылает служанок.

– Этим утром я собиралась полюбоваться на новую статую, выставленную в храме Фортуны с сегодняшнего дня. Все о ней говорят. Может, присоединишься ко мне?

Храм богини Фортуны, олицетворяющей «удачу в настоящем», скорее галерея, чем святилище, и сейчас одно из самых популярных мест в Риме. Амара предпочла бы более частную беседу дома: если Домициан еще не подозревает об их дружбе, то после прогулки к храмовой ротонде узнает наверняка. В то же время едва ли уместно отказываться.

– Какая чудная идея, – восклицает она, сжимая протянутую Сатурией руку. – С огромным удовольствием.

Храм расположен совсем рядом с домом, но вскоре Амара уже жалеет, что не взяла паланкин. Идти рядом с Сатурией по тротуару нелегко. За ними следует очередная стайка служанок, и Сатурия непрерывно жалуется на шум, запах и грязь. В какой-то момент Амаре поручают придерживать подол хитона Сатурии, что, по ее подозрению, всего лишь намеренная демонстрация власти, попытка показать окружающим, кто из двух куртизанок главнее.

После задержки у очередной лавки с тканями, они прибывают к храму Фортуны. Он расположен за театром Помпея, который, по словам Деметрия, стал местом убийства Юлия Цезаря – очень иронично, учитывая, как предан был диктатор богине удачи при жизни. Амара разглядывает элегантное круглое здание, к которому ведут несколько ступеней белого мрамора. Храм Фортуны напоминает ей храм Геры в ее родной Афидне, и она на мгновение замирает, погрузившись в воспоминания и представляя себе, что ее окликают родительские голоса. Тут она замечает, что Сатурия переминается с ноги на ногу, словно заскучавший ребенок, точно так вертелась Виктория, сгорая от нетерпения. И снова в Амаре вспыхивает сочувствие.

Девчонка, конечно, раздражает, но неприятно даже думать о том, что с ней жестоко обращается такой влиятельный человек, как Домициан. Амара улыбается:

– Может, зайдём внутрь?

Сатурия кивает, и они неторопливо поднимаются по ступенькам к храму. Наверху Сатурия останавливается якобы для того, чтобы поправить шарф на голове, но Амаре кажется, для того чтобы принять самую привлекательную позу. Когда Сатурия, наконец, остается довольна своей внешностью, они проходят в храм.

Даже в тусклом свете статуя Фортуны немедленно привлекает внимание. Гигантская фигура едва не упирается в купол крыши, и сразу верится, что в силах этого божества повергнуть в прах и людей, и их империи. Глядя на богиню, Амара замечает, что головой не достаёт даже её коленей.

– Её сделали не особо *красивой*, правда? – шепчет Сатурия Амаре, сжимая её руку.

Амаре хочется рассмеяться, но она не смеет.

– Нет, – серьёзно произносит она. – Похоже, что нет.

В этой Фортуне действительно нет ничего особо женственного: её лицо вполне могло бы принадлежать мужчине, её губы приоткрыты, но не от страсти, а от безразличия. Её бронзовая грудь практически плоская, отчего она ещё больше похожа на мужчину, а рог изобилия в её руках вполне мог бы сойти за оружие. Амара приглядывается. Фортуна немного похожа на её подругу Британнику. Эта мысль вызывает у неё улыбку. Удача, ниспосланная здесь и сейчас, кажется весьма уместным подарком для гладиатора; и Амара возносит молитву богине судьбы, чтобы хранила Британнику на арене сегодня и в любой другой день.

– Я никогда не бывала внутри этого храма, – признаётся Амара, оглядываясь кругом, когда её глаза чуть привыкают к полумраку. – Здесь красиво.

– Никогда не была? – Сатурия потрясена. – Наверное, раз ты гречанка, тебе неоткуда узнать, что сейчас важно в культурной жизни Рима. Здесь находятся несколько лучших произведений искусства в городе. Думаю, это новая статуя, вон там.

Сатурия обходит ротонду по кругу, заставляя Амару не отставать. Росписи на стенах и статуи рядом с ними изображают, какую власть имеет Фортуна над жизнями смертных. Богиня возвышается над городами, иногда возвеличивая, иногда разрушая их, а у её ног сходятся в бою армии, чья победа зависит не от их мощи, а от судьбы. Во всех этих сценах у Фортуны одно и то же выражение лица: похоже, она равнодушна и к радости, и к страданиям.

Сатурия почти не уделяет внимания фрескам, погружившись в разглядывание статуй. Даже Амара, крайне мало знающая об искусстве, понимает, что они превосходны. Она задерживается у прекрасно выполненной статуи Афины Паллады и касается лежащей на груди камеи, подаренной Деметрием. Богиня Аттики – греческой родины Амары – опирается на копье, пронзая взглядом горизонт в поисках врага, а на её губах играет загадочная улыбка. К её нагруднику прибита голова Медузы, чьи волосы-змеи так похожи на настоящих, что кажется, будто вот-вот шевельнутся. Она бы с удовольствием потратила не меньше часа на то, чтобы рассмотреть в деталях свою богиню-покровительницу, но вдруг понимает, что совсем забыла про Сатурию, из-за которой она здесь и оказалась. Амара находит её у постамента высокой обнаженной статуи – молодой мужчина сжимает в руке меч.

– Разумно ли стоять только здесь? – спрашивает Амара, вскинув бровь, в надежде поддразниванием выманить Сатурию наружу. – Люди могут задуматься, почему мы на него так устались.

– Что ж, дорогая, я понимаю, что может вызвать ревность у Деметрия, – усмехается Сатурия. – Хотя, должно быть, именно так он выглядел в глазах жены своего хозяина *столетия* назад, когда на него был спрос.

– А у *твоего* патрона есть причины для ревности?

– Не из-за моей преданности. – Сатурия по-прежнему глазееет на обнаженного юношу, на зажатое в его руке оружие. Следующие слова она произносит едва различимым шепотом: – И я искренне верю, что он способен подняться выше, чем сейчас.

Амара кидает на спутницу быстрый взгляд. Это самое близкое к политическим разговорам, что когда-либо слетало с уст Сатурии. Последняя поворачивается к Амаре, и в этот момент на ее лице отчетливо заметно напряжение, но тут она улыбается, застенчиво прижав пальчики к губам, словно просто решила сделать возлюбленному комплимент.

ГЛАВА 3

Каким замечательным товарищем ты был, когда мы служили вместе!
Плиний Старший императору Титу. Естественная история, предисловие

Адмирал римского флота пристроился на скамье перед обеденным залом Деметрия, позволяя мальчишке-рабу омыть ему ноги. На лице Плиния – привычное выражение нетерпения, словно даже самые необходимые приготовления к обеду – это пустая трата времени. Он посидел и погрузнел с их первой с Амарой встречи, но разум его все так же остер. Она с Деметрием сидят напротив гостя, ожидая, пока другой слуга вытрет им ноги полотенцем.

– Итак, она уехала. – Плиний поднимается со скамьи, едва раб заканчивает вытирать его пальцы. – Царица отправилась в Иудею этим утром.

Амара представляет себе Беренику такой, какой увидела ее прошлой ночью – опустошенной и одинокой.

– Тит пришел попроситься с ней?

– Нет. И это к лучшему. Мне она очень нравилась, как вы знаете. Но люди никогда бы ее не приняли. Править нелегко и без того, чтобы терпеть ежедневные оскорбления из-за выбора своей второй половины. Это могло бы подорвать уважение к положению императора.

Они заходят в обеденный зал, где Плиний опускается на центральный диван, а Деметрий с Амарой занимают те, что по бокам от него. Деметрий вовсе не считает, что в присутствии гостей Амара должна устраиваться рядом с ним, словно она просто игрушка. Ей позволено вести себя как супруга.

– Возможно, тебе это не понравится, Амара, – продолжает Плиний, – но, боюсь, я настоятельно советовал Титу *не* встречаться с ней снова. Это только продлит агонию, а мы не можем допустить, чтобы он дрогнул.

– К своему счастью, Тит может рассчитывать на твой совет, – говорит Деметрий, принимая стакан вина из рук раба, суетящегося рядом с ним.

– Не очень-то он в нем нуждается. Мы и надеяться не могли на столь удачную смену власти после смерти твоего ушедшего – и оплакиваемого – мастера. Веспасиан и Тит тщательно готовились к этому моменту, в течение многих лет, и их усилия не прошли даром. Именно это всегда так восхищало меня в Веспасиане – его прагматизм и целеустремленность. Рим важнее жизни одного человека, пусть даже императора. Он это понимал.

– Особенно после того, что бывало раньше, – вставляет Деметрий.

На мгновение воцаряется тишина, когда, как подозревает Амара, мужчины вспоминают беспокойное правление Нерона и последовавшую за ним гражданскую войну. Живя в Греции, она едва ли понимала, какой хаос царил у подножия трона десять лет назад; ее больше заботила несчастливая судьба собственной семьи. Трудно представить Деметрия таким, каким он был тогда – преданным слугой Веспасиана, тогда еще не императора, а генерала римской армии, без особо надежных оснований претендовать на трон.

– Если Фортуна будет милостива, мы никогда больше не увидим подобного, – произносит Плиний, поднимая стакан. – Долгих лет императору Титу. – Все трое пьют.

Рабы с кухни расставляют еду на маленьких серебряных столиках рядом с диванами, и запах гусятины, тушенной с тмином и чабрецом, поднимается над открытыми блюдами. Пол под босыми ногами рабов выложен мозаикой в виде рыбьих костей, символизирующих объедки для *ларв* – духов, рыскающих в темных углах каждого дома.

– Боюсь, что этот гусь не так хорош, как птица из Германии, – говорит Деметрий Плинию, пробуя мясо. – Но мы велели приготовить его так, как посоветовал твой повар.

Плиний одобрительно кивает:

– Когда-то я ел такого вместе с Титом, во времена кампании. Интересно, помнит ли он еще. В молодости он был приятнейшим компаньоном. В тот раз военных действий мы видели меньше, чем ожидали. Хотя, полагаю, все равно достаточно. Бои на германском фронте велись жестокие.

Амаре трудно видеть в Плинии солдата, даже после всех тех лет, что они знакомы. Хотя совсем не составляет труда представить, как во время кампаний он тратит часы на то, чтобы описать местные обычаи или природу. В прошлом году Плиний в знак дружбы дал Деметрию черновик своей «Естественной истории», но прочитала его от слова до слова именно Амара, а не Деметрий.

– Лишь бы в Риме боев не было, – говорит Деметрий.

– Несомненно. – И Плиний, и Деметрий смотрят на Амару. – Похоже, ты сегодня побывала в храме Фортуны, – обращается к ней Плиний. – Со своей новой подругой.

– Сатурию сильнее всего поразила статуя воина в святилище, – говорит Амара совершенно обычным тоном. – Хотя она заметила, что ее патрон мог бы подняться выше.

Плиний разглядывает ее так внимательно, словно пытается на ее лице прочесть, что имела в виду Сатурия.

– Полагаю, это всего лишь домыслы куртизанки.

– Возможно. Но я начинаю думать, что она не настолько глупа, как кажется. Похоже, она боится его.

– Не все патроны столь снисходительны, как твой, – замечает Плиний, указывая на Деметрия. – Вполне естественно для женщины бояться, что страсть мужчины угаснет.

– Сомневаюсь, что она боится именно этого.

Больше Амаре ничего говорить не нужно. Пусть Плиний сам написал книгу, восхваляющую династию Флавиев, включая Домициана, всем известны слухи о младшем брате императора – о его жестокости к животным, слугам и женщинам.

– Уверен, как хорошая подруга, ты внимательно слушаешь все, что говорит тебе Сатурия, – любезно замечает Плиний, возвращаясь к своему гусю.

Амара привыкла к тому, что даже в близком круге беседы о политике немного похожи на шараду. Пусть Плиний с Деметрием и относятся к рабам так, будто те невидимы, но они прекрасно понимают, что у рабов есть уши.

Деметрий ловит одного из прислужников за руку:

– Пришли ко мне Гермероса. После все остальные могут ненадолго нас оставить.

Кивнув, мальчишка отправляется на поиски управляющего Деметрия, которому, как известно Амаре, тот полностью доверяет. Она тоже полагается на Гермероса, однако, помня о своей запретной связи с Филосом, управляющим, который предал своего хозяина, разделив постель с Амарой, ничего не принимает на веру. Рабство создает тайный мир со своими секретами и привязанностями.

Когда Гермерос входит и закрывает за собой дверь, Деметрий ослабляет бдительность:

– Тит уже решил, какими полномочиями наделит брата?

Плиний отхлебывает вина.

– Никакими.

– Никакими? Вообще никакой должности?

– Только церемониальная. Хоть и с обещанием большего в будущем.

– Разумно ли это?

– Опасный выбор. Держать ли врага к себе поближе или как можно дальше. Полагаю, он просто хочет потянуть время и посмотреть на реакцию Домициана. – Плиний награждает Амару улыбкой. – И вот поэтому твоё новое знакомство так полезно.

– Не уверена, что Сатурии хоть что-то известно, – отвечает Амара, одновременно польщённая и обеспокоенная вниманием адмирала. – Думаю, Домициан с ней только спит, и ничего больше.

– Не то что его отец с Антонией, – замечает Деметрий, с отчетливой теплотой в голосе упоминая Веспасиана.

Плиний смеется:

– Самый главный советник Веспасиана. В те времена меня, бывало, вызывали на рассвете, а Антония Ценида прямо с кровати уже давала ему советы по текущим делам, прежде чем мне удавалось переступить порог.

– Её смерть стала тяжелой потерей. Думаю, хозяину так и не удалось до конца оправиться.

– Он затащил в постель немало других женщин, чтобы залечить сердечные раны, – язвительно произносит Амара.

Деметрий смеется:

– *Калиста*, мужчина может ценить женщину по самым разным причинам. И это не значит, что ту, которой он дорожит больше всех, можно заменить.

– В случае с Домицианом такой женщиной будет его *жена*, Домиция, – заявляет Амара, отщипывая кусочек гуся. – Сомневаюсь, что он вообще ценит Сатурию.

– Что ж, кто знает? Люди, глядя на тебя, могут ошибочно полагать, что я ценю тебя только за твою красоту.

– Сильно в этом сомневаюсь, – вставляет Плиний, весело смотря на них обоих. – Ведь она носит мое имя.

Деметрий скидывает руки в шутовой капитуляции:

– Ты на чьей стороне?

– Я лишь хочу сказать, что пользу из дружбы Амары с Сатурией нужно извлекать как можно быстрее, – говорит Плиний. – Домициан действительно может разгадать мотивы Амары. Он не дурак: ему известно, что она твоя женщина, известно и кому ты предан.

– Амара вместе с Сатурией отправится смотреть похороны, – произносит Деметрий, имея в виду последнюю процессию Веспасиана в Риме. – В такой волнительный день девушка, скорее всего, будет расположена посплетничать. Так мы могли бы узнать чуть больше о планах Домициана.

– Ты, наверное, рад, что подготовка к похоронам почти закончена, – замечает Плиний, мудро решивший сменить тему при виде раздраженной Амары. – Меня удивил выбор Фавора в качестве актера: он довольно вульгарен, хотя и популярен в народе.

– Вся эта процессия для народа. При жизни император, конечно, ничуть не поощрял подобную расточительность. Но, полагаю, Веспасиана забавляла мысль, что его смерть отметят таким образом – вразрез с тем, как он жил.

Деметрий улыбается, и Амара задается вопросом, какие воспоминания сохранились у него о человеке, которому он служил столько десятилетий, о господине, подарившем ему свободу. Она знает, что почти болезненная внимательность её патрона к деталям организации похорон имеет как личные, так и политические причины: это его последний акт служения.

– Я вернусь в Мизен после окончания всех церемоний, – сообщает Плиний.

– О! Так скоро? – Амара слишком потрясена, чтобы скрыть свое разочарование. – Мы будем скучать по тебе.

– Это всего на несколько месяцев. Я не могу совсем забросить флот. – Плиний поворачивается к Деметрию: – Непременно пошлю людей проверить твоё поместье в Стабиях, если тебе нужен непредвзятый отчет об урожае.

– Ты так любезен.

Деметрий тепло улыбается другу. Если очевидное огорчение Амары или предыдущие притязания Плиния заставили его ревновать, он этого не показывает.

Плиний не задерживается надолго. Амара догадывается, что он уже отложил несколько свитков, которые ему прочтут перед сном, и радуется, что не ее голосу предстоит охрипнуть от долгих часов чтения адмиралу вслух. Давно позади те дни, когда Плиний был объектом ее слепого обожания, но, даже научившись замечать его недостатки, Амара не стала меньше восхищаться человеком, который сыграл самую заметную роль в ее освобождении из «Волчьего логова».

В своей спальне Деметрий лежит, приподнявшись на локте, и наблюдает, как она готовится ко сну. Амара знает, что и ее тело, и ее красота успели стать для него успокаивающе-привычными, и раздевание теперь скорее часть общения, чем что-то большее.

– Кажется, ты была слегка напряжена за ужином, – замечает Деметрий, оглаживая ее плечи, стоит ей скользнуть к нему под бок.

– У меня плохое предчувствие насчет дружбы с Сатурией, – отвечает она, прижимаясь к нему. – Я не могу его объяснить.

– Похоже, она действительно слегка раздражающая.

– Дело не только в этом. Может, причина в том, что происходит за закрытыми дверями. В цене, которую она платит за все эти росписи на стенах, слуг и тигра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.